

DOI: 10.31857/S241377150014549-6

У истоков литературного портрета: физиогномика в контексте современных гуманитарных наук

© 2021 г. А. Паолелла

Доктор филологии (PhD in Philology),
Институт культуры Торквато Тассо в Сорренто,
corso Италия, 53, Сорренто, Италия
palf68@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 28 января 2021 г.

Дата публикации: 30 апреля 2021 г.

Резюме. Цель данной статьи — кратко очертить важные аспекты физиогномики как части науки о человеке в контексте современных гуманитарных наук. Учение о портрете стремится раскрыть и выявить глубинную связь между внешностью и личностью человека, открывая путь литературе, живописи, пластическим искусствам, семиотике, этнологии, паралингвистике, психоллингвистике, социоллингвистике. Методология и научные инструменты физиогномики применяются в современной науке о литературе. У истоков физиогномики — работы итальянского философа-гуманиста и естествоиспытателя XVI в. Дж. Делла Порты, оказавшие влияние на формирование гуманитарных наук, основы которых были заложены итальянским Возрождением. В своих работах Делла Порта опирается на тексты греческих, римских, арабских, средневековых авторов и своих современников. Трактаты ученого-гуманиста вдохновили исследования Лафатера (1772), повлияли на возникновение френологии Галля (1810), отца современной нейропсихологии и когнитивных нейронаук, внесли вклад в рождение криминальной антропологии Ломброзо. Физиогномика, которую в эпоху позитивизма считали псевдонаукой, ставит своей целью составление психологического и нравственного портрета человека на основании его наружности, предполагая существование глубинной связи между телом и душой, внешним и внутренним. Она оказала влияние на работы многих художников, прежде всего портретистов, начиная с эпохи Возрождения, в том числе и на карикатуры XVIII в. и более поздних эпох, а также на литературу, в частности, XIX столетия — Бальзака, Мандзони, Мастриани и др.

Ключевые слова: физиогномика, семиотика портрета, Делла Порта, Леонардо да Винчи, гуманитарные науки, Лафатер, Галль, Ломброзо, портретистика, Шарль Лебрен, Бальзак.

Для цитирования: Паолелла А. У истоков литературного портрета: физиогномика в контексте современных гуманитарных наук / Пер. с итал. А.В. Голубцовой, М.А. Ариас-Вихиль // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 5–17. DOI: 10.31857/S241377150014549-6.

At the Origins of the Literary Portrait: Physiognomy in the Context of Modern Humanities

© 2021 Alfonso Paoletta

PhD in Philology,
Istituto di Cultura Torquato Tasso di Sorrento,
corso Italia, 53, Sorrento, Italy
palf68@gmail.com

Received by Editor on January 28, 2021

Date of publication April 30, 2021

Abstract. The purpose of this article is to briefly outline important aspects of physiognomy as a part of the human science in the context of modern humanities. The teaching about the portrait seeks to reveal and lay bare the deep connection between the appearance and personality of a person, opening the way for literature, painting, plastic arts, semiotics, ethnology, paralinguistics, psycholinguistics, sociolinguistics. The methodology and scientific tools of physiognomy are applied in modern studies of literature. At the origins of physiognomy – the work of the Italian humanist philosopher and natural scientist of the 16th century. G. Della Porta, who influenced the formation of the humanities, the foundations of which were laid by the Italian Renaissance. In her works, Della Porta draws on the texts of Greek, Roman, Arabic, medieval authors and her contemporaries. The treatises of the humanist scientist inspired the studies of Lavater (1772), influenced the emergence of Gall's phrenology (1810), the father of modern neuropsychology and cognitive neurosciences, and contributed to the birth of the criminal anthropology of Lombroso. Physiognomy, which in the era of positivism was considered a pseudoscience, aims to draw up a psychological and moral portrait of a person on the basis of his appearance, assuming the existence of a deep connection between the body and the soul, the external and the internal. She influenced the work of many artists, primarily portrait painters, starting from the Renaissance, including the 18th century and later eras' cartoons, as well as literature, in particular, that of the 19th century – Balzac, Manzoni, Mastriani, etc.

Key words: physiognomy, semiotics, Della Porta, Leonardo da Vinci, cognitive sciences, anthropology, Lavater, Gall, Lombroso, portrait art, Charles Lebrun, Balzac.

For citation: Paoletta, A. *U istokov literaturnogo portreta: fiziognomika v kontekste sovremennykh gumanitarnykh nauk. Per. s ital. A.V. Golubtsovoy, M.A. Arias-Vihil* [At the Origins of the Literary Portrait: Physiognomy in the Context of Modern Humanities. Transl. from Ital. by A.V. Golybtsova, M.A. Arias-Vihil]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 2, pp. 5–17. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014549-6.

Джамбаттиста Делла Порты (итал. Giambattista Della Porta; 1535–1615) – итальянский ученый, философ, алхимик и драматург. Автор трудов по алхимии “Натуральная магия” (“*Magiae naturalis sive de miraculis rerum naturalium*”, 1558), криптологии “Про скрытую значимость отдельных букв” (“*De furtivis literarum notis*”, 1563), медицине “О человеческой физиогномике” (“*De humana physiognomonia*”, 1586), ботанике “Фитономика” (“*Phytognomonia*”, 1588); после 1596 г. Делла Порты целиком посвятил себя литературно-драматической деятельности, став автором ряда пьес, в числе которых самая известная – комедия “Ловушка” (“*La Trappolaria*”, 1596). Трактат “О человеческой физиогномике”, опубликованный в 1586 г. в 4 книгах и в 1601 г. в 6 книгах, в отличие от многих трактатов по физиогномике того же периода (Джованни д’Индаджине, Бартоломео делла Рокка, Джироламо Кардано, Джованни Индженъери, Мишеля Леско, Давида л’Анье и др.), представляет собой не просто обобщающий труд, а “сумму”, полную энциклопедию, содержащую все знания, накопленные в физиогномике

за много веков, от досократиков до современников Делла Порты. Достаточно сказать, что в ней упоминаются почти 400 авторов, которые так или иначе описывали психофизические свойства и черты характера знаменитых или малоизвестных личностей. Эта работа становится фундаментальным изложением основ данного учения, начиная с самой его формулировки – установления взаимосвязи между телесными особенностями и характером людей, а в античности – еще и между телесными особенностями и болезнями. Симптоматическое соотношение между наружностью (тем, что позднее врачи назовут *facies*) и заболеваниями отмечал еще Гиппократ в трактатах “О священной болезни”, “Прогностика”, “О диете при острых болезнях”, “Эпидемии” и в некоторых “Афоризмах”.

В эпоху Возрождения понятие *fisiognomonia* объединяло целый ряд исследований, которые только в последующие века получают эпистемологическую автономию. Прорицательство, медицинская *facies*, характерологическая таксономия соединялись в рамках этой дисциплины, где видимые анатомические знаки

отсылали к знакам незримым, психологическим, влияя и на такие, на первый взгляд, далекие сферы, как изобразительное искусство и, в частности, скульптура и портретистика.

Прорицательский компонент и физиогномический детерминизм, свойственный данному учению в его предсказательной функции, заставили бдительную инквизицию обратить особое внимание на дискуссию о свободе воли, которая разворачивалась среди философов и богословов в этот сложный и проблемный для Европы период.

В арабском мире также сложилась прочная физиогномическая традиция, особенно после перевода на арабский язык “Физиогномики” Псевдо-Аристотеля и комментария Полемона (оба перевода выполнены в IX в.). Текст Псевдо-Аристотеля, переведенный Хунайном (873 г.), присутствует у Ад-Дина ар-Рази (1149–1209), который был известен Делла Порте в переводе Герарда Кремонского и часто цитируется как в “*De humana physiognomonica*” [1], так и в “*Coelestis physiognomonica*” [2]. Физиогномика, по мнению Ибн аль-Акфани (ок. 1286–1348), полезна в дружбе, для оценки людей, с которыми общаешься; пригодится она и в супружеской и семейной жизни (жена, дети, домочадцы), и в политической (советники и придворные). Эта наука необходима человеку, который есть “от природы существо социальное” [3]. В XIII в. те же представления поддерживали и Майкл Скот (“*Liber Phisionomie*”), шотландский ученый, переводчик античных и арабских мыслителей, и Чекко д’Асколи (“*L’Acerba*”), итальянский астроном и поэт.

История издания трактата Делла Порты “*De humana physiognomonica*” оказалась весьма непростой. Достаточно сказать, что итальянский перевод, выполненный самим автором между 21 июля и 3 августа 1588 г., из боязни нового приговора инквизиции был опубликован под именем его друга, Джованни де Роза, в 1598 г. [4].

Издание 1601 г. в 6 книгах состоит из следующих частей: в четырех книгах анализируется человеческое тело, анатомические компоненты которого соотносятся с определенной чертой характера человека. В пятой книге все рассмотренные характеристики собраны в синтагматические последовательности, описывающие типы характера: отважный, щедрый, хитрый, гневливый и т.д. Подобным же образом классифицируются персонажи трагедии Делла Порты: имя персонажа определяет

его поведение (т.н. говорящее имя), согласно формуле “*nomen est omen*” (проньера-слуга – “Траппола” (Ловушка), капитан – “Драголеоне”, паразит – “Фагоне” (Обжора), влюбленный – “Эраст” и т.д.).

Со времен античности физиогномика использовала три метода анализа взаимосвязей между телом и душой. Этологический метод состоял в наблюдении за изменениями тела под воздействием различных чувств, таких как гнев, симпатия, ревность, страх и т.п., создающих собственную систему знаков, грамматику и синтаксис. По мнению Гиппократ и Галена, телесные жидкости напрямую связаны с психикой. Например, меланхолия (черная желчь) почти всегда проистекает из “недостатка” чего-либо – силы, любви, желания, славы и т.д. В рамках данной теории выделяют 4 основных типа характеров, которые соответствуют 4 жидкостям человеческого тела: крови (сангвиник), желтой желчи (холерик), черной желчи (меланхолик), флегмы (флегматик). В этом методе отчетливо проявляется близость физиогномики со средневековой и ренессансной медициной.

Этнологический метод исходит из убеждения древних о том, что каждому этносу присущ особый характер. Соответственно, характеры определяются взаимодействием человека со средой, народов с географическим пространством, как отмечал еще Гиппократ, хотя и в несколько иной формулировке, в трактате “О воздухе, водах и местностях”. По мнению Птолемея, северные народы свирепы, дики и жестоки; итальянцы и греки благородны, приветливы, дружелюбны и очень мужественны, ценят свободу и справедливость. Арабы, населяющие знойные и сухие края, вороваты, лукавы, лицемерны, нечестны, непостоянны и алчны; африканцы из-за жары и влажности сладострастны и безрассудны, не держат слова и т.д. [5].

Зоологический метод основан на сравнении людей с животными. По словам Делла Порты, “кто желает извлечь пользу из этой науки, должен с великим тщанием изучать книги, описывающие животных, чтобы стать знатоком их нравов, мыслей, знаков, а также частей их тел, поскольку от этого зависит вся наука. Не следует пренебрегать различиями между знаками; ведь некоторые знаки рождаются вместе с нами, другие появляются позже и остаются с нами до смерти: как, например, широкий лоб, приплюснутый нос и тому подобные. <...>

Если части тел животных, подобные человеческим, указывают на человеческие нравы, подобные животным, не значит ли это, что темперамент этого животного сформировал эту часть тела, подобную такой же человеческой? В каждом животном преобладает какая-либо телесная жидкость: отсюда и те добродетели и пороки, которыми оно наделено, и та же самая жидкость формирует эту часть тела» [4, I, XIV, 57–61; XXVIII, 14–19].

Хотя физиогномика считалась, скорее, учением, а не наукой, и сам автор это сознает, трактат Делла Порты, с одной стороны, формализует и освящает тысячелетнюю традицию прочно устоявшихся топосов, с другой — становится ориентиром, своего рода руководством, которое окажет влияние на работы множества позднейших художников, прежде всего портретистов, а также писателей, особенно XIX в. (Бальзака, Мандзони, Дюма-отца и Дюма-сына, Мастриани и др.).

Нужно сразу пояснить: физиогномика — это просто наблюдение за телесными чертами, а физиогномика, как пишет Делла Порты, «происходит от слов φύσις, что значит “природа”, и νόμος, “правило”, и означает “закон”, или “правило Природы”, по которому при знании определенных природных правил, норм и порядка по той или иной форме тела... можно определить ту или иную страсть души» [4, I, XXX, 23].

Делла Порты обращается к высшему авторитету эпохи: «Аристотель говорит, что (человек), поскольку он вынужден сосуществовать с другими, должен уметь выбирать в друзья хороших людей, а не дурных» [4, Proem, p. 4]. Однако, поскольку это всего лишь искусство и учение, о чем свидетельствует и традиция, нельзя всецело полагаться на внешность, поскольку “человеческий дух <...> так хорошо скрыт темной пеленой притворства, что когда кажется, что глаза, лоб и вся наружность говорят правду <...> тогда-то они и лгут сильнее всего <...> Это искусство показывает... каких негодяев тебе следует прогонять и каких достойных людей привечать” [4, Proem, 13–14].

В доказательство автор ссылается на фрагмент “Тускуланских бесед” Цицерона, где “знаток физиогномики Зопир, увидев в наружности Сократа множество пороков и сказав об этом публично, был осмеян всеми слышавшими это, поскольку те не знали за Сократом таких пороков. Но потом сам Сократ похвалил его, признав, что имел подобные склонности,

но победил их силой разума и философии” [4, Proem, 134–138].

Тем не менее, даже если оставить в стороне лицемерие, характер может меняться и с возрастом, и в повседневных ситуациях. Поэтому следует отличать “постоянный” знак, или “свойство”, от знака “слабого” или “общего” для людей и животных. Ведь “когда душа меняет свои нравы, тело меняет форму и очертания, а когда тело меняет форму, душа также меняет свои обыкновения. При меланхолической душе тело становится вялым и бледным, а в веселье и тело вновь расцветает. <...> Известно также, что при исцелении тела исцеляются и недуги души” [4, I, II, 74–75]. Ведь “облик печального человека отличает лоб в морщинах, распластанные брови, напряженные веки, склоненная голова, обращенный книзу взгляд, запавшие глаза, удлиненный нос, исхудалое лицо” [4, II, IX, 54–55]. И напротив, “веселость узнается, прежде всего, по гладкому безмятежному лбу, спокойным глазам, полному красному лицу” [4, II, IX, 64–65].

Чтобы не ошибиться в оценках, стоит прибегать к аналогиям с характерами животных, поскольку они не умеют и не способны притворяться: “Платон говорит, что, если человек подобен <...> какому-либо животному телом, он будет подобен ему и нравом, и желаниями; таким образом <...> соотнося эту фигуру с неким свойством, страстью или нравом, он угадывает по фигуре и нрав. Например, лев должен быть смелым и отважным, <...> этот знак указывает, что имеющий широкую грудь, крупные и мощные плечи, крупные конечности, то есть руки и ноги <...>: по характеру щедр, великодушен, наделен волей к победе, силен, обходителен, справедлив, милосерден” [4, I, XIII, 5 ss.].

Следовательно, люди, наружностью подобные животным, перенимают и их основные черты: “...смелый, как лев, пугливый, как заяц, дерзкий, как петух, докучливый, как собака, суровый, как ворон, милосердный, как горлица, коварный, как гиена, нежный, как голубка, лукавый, как лиса, кроткий, как ягненок, резвый, как косуля, незаметный, как леопард, ленивый, как медведь, незлобивый, как слон, трусливый и глупый, как осел, покорный, как павлин, говорливый, как воробей, трудолюбивый, как пчела, бродяга, как коза, необузданный, как бык, упрямый, как мул, молчаливый, как рыба, благоразумный, как ягненок,

сластолюбивый, как свинья, коварный, как сова, трудолюбивый, как лошадь, злоредный, как волк. <...> Если человек какой-то своей частью подобен этим животным, имей в виду, что и нравы он будет иметь сходные” [4, I, XIII, 28–37].

Делла Порта уточняет: “Если увидишь человека с глазами, похожими на львиные и сидящими не слишком глубоко, то они обнаруживают в нем льва; если очень запавшие — то обезьяну: тогда он будет отличаться дурным нравом; если посаженные неглубоко, можно сказать, что они похожи на бычьи; если нависают, то тупые и наглые, как у осла” [4, I, XV, 19–23]. Подобные сходства он иллюстрирует зримыми свидетельствами: “Фигура неразумного глупца отличается узкой и заостренной головой. Те, у кого заостренная голова, также лишены стыда. Голова неблагородная и чрезмерно вытянутая говорит о наглости и... напоминает воронов и перепелов, у которых заостренный клюв и наглый характер” [4, II, I, 331–335].

Кроме того, “обладающие широким лбом робки и трусливы, поскольку такие знаки и нрав свойственны быку” [4, II, II, 18–19]. Имеют свое значение также выступающий рот и квадратный лоб: “Выступающий рот, округлый и обращенный книзу, с толстыми губами, формой похожий на наклонный угол, выдает нечистоплотность, прожорливость, глупость” [4, II, XIII, 45–47]. “Квадратный лоб, обладающий должной симметрией и пропорциями относительно остального лица, является очевидным знаком благоразумия и великодушия” [4, II, II, 82–84].

Делла Порта, в русле античной эстетики и теоретических трактатов эпохи Возрождения, понимает *mesotes*, или *medietas*, как гармоническое соотношение души и тела, идеал красоты: “Итак, тело не слишком крепкое и не слишком расслабленное, ни твердое, ни мягкое, ни волосатое, ни гладкое. <...> Красота есть соразмерное расположение всех членов тела, кое являет собой модель и образ души; внутренние части имеют тот же состав, что и внешние. <...> Поэтому природа сотворила тело согласно со свойствами души” [4, IV, XI, 25–38].

Однако Алкивиад со своей красивой наружностью противоречит топосу этической и эстетической гармонии (*καλοκαγαθία*): “Такова была красота Алкивиада, что всем известно, как прославляли ее писатели. Плутарх

утверждает, что он опережал всех афинян своего времени красотой лица и хорошо сложенного тела; и был наделен замечательным даром природы — не только в детстве и юношестве, но и в любом возрасте отличался благородной наружностью и цветущей красотой. Сатир у Афиней говорит, что он обладал выдающейся красотой; и когда он входил в театр, на него с восхищением взирали не только мужчины, но и женщины. Антисфен, лично его видевший, утверждает, что он был прекрасен в любом возрасте и даже в сражениях заботился о том, чтобы казаться красивым. Среди ионийцев не было никого похотливее и сластолюбивее. Тимею, жену Агиса, он соблазнил как продажную женщину; а когда его стали упрекать, ответил, что сделал это не из похоти, а чтобы в Лакедемонии правили его потомки, и чтобы царский род звался именем не Геркулеса, а Алкивиада. В войске он всегда возил с собой проститутку Тимандру и Феодоту; он обесчестил свою дочь, которую, обнимая, называл подругой Аксиоха. Ферекрыт пишет о нем: Алкивиад — не просто мужчина, как кажется многим, а муж всех женщин. По натуре он был очень жаден до славы и говорил, что в жизни не стоит желать ничего, кроме власти над всеми. В красноречии, философии и военном искусстве он не уступал никому, был отважен, свиреп, отвергал досуг и покой, более всех любил состязания и, наконец, вынашивал планы против свободы своей родины, как свидетельствует Фукидид” [4, IV, XI, 51–74].

В трактате Делла Порта толкование внешнего знака, смысл которого закреплен в традиционной топике, получает дополнительное подтверждение и, в свою очередь, по инерции становится основанием для последующей традиции. Возьмем, например, следующий фрагмент: «*Большие и хорошо расположенные глаза*. Он же (Аристотель), говорит, что большие глаза, если они округлой формы и правильно расположены, свидетельствуют о достойной натуре. А Гален в “Медицинском искусстве” пишет, что большие глаза могут свидетельствовать и о хорошем, и о дурном, как и голова; ведь если большие глаза сочетаются с правильной формой и хорошей зрительной способностью, это свидетельствует о высоком качестве того неоднородного вещества, из которого они состоят. И если мне будет позволено уподобить их какому-либо животному, я бы назвал оленя, у которого большие глаза красивой формы, и среди животных он

обладает острым умом. Гомер постоянно называет Минерву *boîrí*, потому что у нее большие и красивые глаза, и из всех богинь обычно именно она получает такой эпитет. Большими прекрасными глазами отличался Сократ, как утверждает Полемон, но Платон в “Теэтете” говорит, что глаза у него были навывкате; он был справедлив, благоразумен, учен и исполнен любви, и Аполлон называл его мудрейшим из всех. Неоптолем имел округлые глаза и был воинственен, как пишет Дарет Фригийский» [4, III, I, 47–61].

Представление о больших глазах, указывающих на вышеупомянутые черты характера, — топос, сложившийся еще в античной портретистике, — пронизывает все изобразительное искусство от Мадонн Джотто или Чимабуэ до портретов эпохи Возрождения и по инерции сохраняется в кино, публицистике, массовой литературе и даже в персонажах мультфильмов и научной фантастики.

Таков же и образ Елены, которая “была светловолосой, с большими глазами, маленьким ртом, чистым лицом, красивыми ногами, и вся отличалась необыкновенной красотой: из Дарета <...> так что Телемах и сын Гектора на пиру, сидя рядом с Еленой, были ослеплены и ошеломлены такой красотой, но она была не мила своему мужу” [4, IV, XI, 88–90].

Этот образ часто встречается в портретистике, начиная с росписей греческих ваз. Похищение Елены, с которого началась Троянская война, стало для греков парадигматическим при осмыслении понятия верности (“светловолосые отличаются верностью”, пишет Делла Порта) [4, I, XIX, 90] и неверности, свободы воли и предопределения.

Светлые волосы присутствуют во всех изображениях Елены, от греческой античности до фильма 2003 г. “Елена Троянская” Джона Кента Харрисона, в “Прибытии Елены в Трою” Франческо Паскуччи (1748–1803), “Любви Елены и Париса” Жака-Луи Давида (1748–1825), “Елене и Парисе” Шарля Мейнье (1768–1832) и т.д.

Еще один интересный топос — волосатость, которая указывает на могучий эротизм: «Волосатые люди похотливы. Аристотель в “Проблемах” ищет причину того, что пышно оперенные птицы и волосатые люди отличаются похотью; и дает объяснение, что в них много крови и тепла одновременно, то есть в них в изобилии имеется и жидкость, и тепло,

чтобы согреть ее; знаком этого служат волосы и перья; ведь в отсутствие жидкости и тепла ни перья у птиц, ни волосы у людей не могли бы вырасти. Мужское семя зарождается в определенном месте в определенное время, то есть весной и в воздухе, поскольку его природа горячая и влажная. Отсюда и волосатость, которая говорит о похоти. Только у зайца от природы шерсть растет даже во рту и на ступнях, как пишет Аристотель, а за ним Плиний. Заяц — самое волосатое из животных. И Трог, рассмотрев это свойство зайца, по его примеру называет волосатых людей похотливыми. Майкл Скот: если встретишь человека с обильными волосами на теле, ногах и животе, и он не будет похотлив, вознеси хвалу Господу. У Калигулы были редкие волосы и совсем голая макушка, а все остальное — волосатое. Он был весьма похотлив и состоял со многими в любовных отношениях, жил в преступной связи с сестрами и не оставил нетронутой ни одной знатной женщины, как сообщает Светоний» [4, IV, II, 28–46 и 180n].

Похотливы все животные с длинной шерстью — кролики, козы и козлы, обезьяны и т.п. Неслучайно в древности сатиров часто изображали волосатыми, с козлиными ногами, рогами и эрегированным пенисом: “Припоминаю, что Филострат, изображая сатиров, олицетворяющих саму похоть, уподоблял их козлам со впалыми ягодицами. <...> С древности волосатые сатиры с козлиными ногами, похотливые, с возбужденным членом, символизируют мужскую силу” [4, II, XLII, 50].

Топос волосатого мужчины с XII в. ассоциируется с мифом о дикаре. Дикарь живет в лесу, он сексуально неводержан и похищает женщин, которых затем спасает благородный рыцарь. Этот образ закрепляется с обнаружением дикарей Нового Света, при этом дикарь часто наделяется чертами сатира. Данный топос продолжает свое существование в многочисленных изображениях сатиров XVI в., таких как неоднократно воспроизводившаяся “Семья сатира” Дюрера (1505) или Стефано делла Белла (1657), “Сатир и амур” (1742–1745) Тьеполо и т.д. Интересно, что и дьявол, по ассоциации, наделяется чертами сатира — как в “Шабаше ведьм” Франсиско Гойи (1798), который продолжает традицию, сложившуюся еще в Средневековье (см.: [6]). Традиция изображения волосатого человека как злодея сохраняется, например, в фильмах Чаплина, где в 11 кинолентах появляется актер

Альфред Кэмпбелл (1,98 м ростом) в роли злодея с длинными колючими усами и пугающей фигурой, своего рода Синей Бороды, который ухаживает, как правило, безуспешно, за очередной красавицей. В “Красавице и чудовище” (1946), фильме Жана Кокто, чудовище покрыто волосами целиком, а в мультфильме Уолта Диснея (1991) — частично.

Существование трактата по физиогномике, принадлежащего Леонардо, — всего лишь гипотеза, тем более что сам Леонардо резко критиковал ее предсказательную силу, однако в “Трактате о живописи” содержится множество наблюдений, связанных с физиогномикой. Леонардо да Винчи пишет о различных состояниях и движениях человека и о пропорциях членов тела: “О ложной физиогномике и хиромантии я не буду распространяться, так как в них нет истины, и это обнаруживается из того, что подобные химеры не имеют научных оснований. Правда, знаки лица отчасти обнаруживают природу людей, их пороки и склад, но знаки на лице, отделяющие щеки от губ рта, ноздри от носа и глазные впадины от глаз, отчетливы у людей веселых и часто смеющихся; те же, у которых они слабо обозначены, — это люди, предающиеся размышлению; те же, у которых части лица сильно выдаются, — это люди скотоподобные и гневные, с малым разумом; те же, у которых линии, находящиеся между бровями, очень отчетливы, — склонны к гневу; те же, у которых поперечные линии лба сильно прочерчены, — это люди, богатые тайными или явными жалобами. И так же можно говорить о многих других частях”¹ [7, § 288].

В “Тайной вечере” каждый апостол изображен по-своему, в зависимости от своего характера: “О движениях человеческого лица. Душевные состояния приводят в движение лицо человека различными способами: один смеется, другой плачет, иной веселится, другой печалится, один обнаруживает гнев, другой — жалость, один удивляется, другие ужасаются, одни кажутся глупцами, другие — размышляющими и созерцающими. И такие состояния должны сопровождаться движением рук, лица и вообще всего человека” [7, § 282].

¹ Текст на русском языке цит. по изд.: Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи, живописца и скульптора флорентинского [Текст] / Впервые полностью переведенная на рус. яз. А.А. Губером, В.К. Шилейко под ред. А.Г. Габричевского. М.: ОГИЗ-Изогиз, 1934. 384 с. (прим. перев.).

На рисунке углем “Голова кричащего человека” Леонардо да Винчи (Будапешт, Музей изобразительных искусств), выполненном для “Битвы при Ангиари” (1503–1506) и изображающем злобу и безумие, можно обнаружить связь с заметками из того же трактата: “Разгневанную фигуру делай так, чтобы она держала кого-нибудь за волосы, свернув его голову к земле и [упершись] ему одной коленкой в бок, правой рукой поднимая вверх кинжал; волосы у нее должны быть приподняты, брови опущены и сжаты, зубы стиснуты, оба угла рта изогнуты дугообразно; шея толстая; спереди, из-за наклона к врагу, она должна быть полна морщин” [7, § 377].

В первые тридцать лет XVII в., если рассматривать только итальянские издания, появляется необыкновенное множество текстов по физиогномике: Джованни Индженъери (часто издается вместе с “Физиогномикой” Делла Порта), Лудовико Сеттала, Филиппо Финелла, Шипионе Кьярамонте, Чиро Спонтоне, Джироламо Кардано, Камилло Бальди, Никола Спадон.

Любопытный и загадочный текст, который позволяет оценить в том числе и успех Делла Порта, — “Физиономическая кефалогия” (“*Cefalogia fisonomica*”) Корнелио Гирарделли [8], болонского монаха-францисканца. Данный текст, если не считать “Метопоскопий” (“*Metoposcopia*”) Делла Порта [9], Кардано (опубликован в 1658 г.) [10] и Маджини (приписывался Спонтоне) [11], которые сосредоточивались исключительно на линиях лба, предвосхищает работы последующих веков, концентрирующих внимание на одном лишь лице. Делла Порта в своем труде, как отмечает Аквилеккья, «рассуждая о лбе во второй декаде и соотнося линии лба с семью небесными телами, при этом не останавливается подробно на анализе данного вопроса, утверждая... что суждения, высказываемые знатоками метопоскопии, не имеют “подлинного основания в Философии”» [12, р. 285]. *Кефалогия* подразделяется на десять декад. Декада, в свою очередь, состоит из десяти рассуждений, каждое из которых посвящено некоему характеру на основании физиогномических черт головы (волосы, лоб, брови, глаза, нос, рот, подбородок, уши, лицо, череп). Все рассуждения имеют одинаковую структуру: портрет головы, затем — сонет, далее — *Рассуждение* самого автора, *Мнение писателей* и, наконец, *Дополнение* от одного из членов Академии деи

Веспертини — вероятно, Овидио Монтальбани, под псевдонимом “Беспокойный”, представленного как “дражайший друг”. Последнее рассуждение каждой декады посвящено женскому физиогномическому типу [12, р. 68–69]. Этот труд, во всяком случае по замыслу автора, также был предназначен для художников, скульпторов, поэтов и писателей. Его интерес к магии, медицине и астрологии придавал еще более неоднозначный характер соотношению — и без того проблемному — между дисциплинами: неясно, то ли медицина и астрология — или астрологическая медицина — являются вспомогательными (*ancillae*) для физиогномики, то ли наоборот.

Еще Декарт в “Страстях души” (1645) отмечал, что “главные из этих внешних выражений [страстей] — движения глаз и лица, изменение цвета лица, дрожь, слабость, обморок, смех, слезы, стоны, вздохи”².

Тесная взаимосвязь между физиогномикой и изобразительным искусством как представлением страстей становится отличительной чертой искусства XVII в. Шарль Лебрен (1619–1690) даже набрасывает частичную таксономию эмоциональных выражений в трактате “Фигуры страстей” (“Фигуры страстей, общий вид таблиц на гравюрах Б. Пикара, выполненных для посмертного издания речи Шарля Лебрена”, 1698) [13], где демонстрируются и анализируются различные эмоции, отражающиеся на лице.

Исследования Лебрена опирались на декартовский рационализм, в научных терминах описывавший взаимосвязь физиологии и страстей. В отличие от физиогномики Делла Порты, которая была в целом статичной и обращала внимание, главным образом, на глаза и взгляд, Лебрен составляет таксономию страстей в динамичном движении мышц тела, которые двигаются по-разному в зависимости от эмоций, а в последнем абзаце речи, произнесенной в парижской Академии живописи и скульптуры (1698) [13], выделяет еще один принцип, который будет широко применяться в последующие века: лицевой угол, то есть угол наклона лба и носа, указывающий на животную составляющую психики индивида и достигающий максимума у животных и у примитивных народов. В ином ключе составлены

“Характеры” (“Les Caractères”, 1688) Лабрюйера (к моменту его смерти в 1696 г. насчитывалось 8 изданий) [14], где описание характера и поведения современных людей, по большей части, не связано с их физическими особенностями. Изображение персонажей в ироническом и сатирическом духе направлено исключительно на социально-политическую критику французского общества.

Голландский анатом Петрус Кампер (1722–1789) первым применил метод лицевого угла в сравнительной анатомии и представил промежуточные результаты в Академии наук в Париже в 1777 г. Его труд, “Dissertations sur le variétés naturelles” [15], был опубликован после смерти исследователя его сыном в 1791 г. В классицистическом духе того времени Кампер соединял — вероятно, намеренно — эстетику и антропологию (одним из основателей которой он считается), усматривая идеал красоты в изображении человека в античную эпоху. Согласно Камперу, угол меньше 70° свойствен обезьянам и чернокожим, в то время как приближающийся к 90° отличает европейца, воплощая в себе гармонию *medietas*. Впоследствии данное сравнение ляжет в основу “научной” теории расизма, в которой данные наблюдений сливаются с интерпретациями, обосновывая биологическое и эволюционное происхождение расы. Католическая церковь, хотя и отвергла эволюционистские теории, тоже не осталась в стороне от этого “научного” понимания расы [16].

Иоганн Каспар Лафатер (1741–1801), пастор в церкви Святого Петра в Цюрихе, современник Кампера, пишет трактат “Физиогномические фрагменты, способствующие познанию человеческой природы и любви” (“Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntnis und Menschenliebe”, 1774–1778), восстанавливая традицию, идущую от Аристотеля к Делла Порты. Автор совместно с Гёте и Гердером пытается увидеть в человеке отпечаток божественного, а психологические и физиогномические наблюдения помогают заметить в людях след вечной красоты и соприкосновения с Богом. Он включает в трактат обширную коллекцию профилей, зарисованных с помощью изобретенного им самим устройства для изображения силуэтов (*machine sûre et commode pour tirer les silhouettes*).

Данный метод позволяет ему свести линии головы к 9 частям и установить соотношение

² Цит. по рус. пер. в изд.: Декарт Р. Соч.: в 2 т. / Пер. с лат. и франц. Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. С. 112.

между видимым и невидимым. Так, нос свидетельствует о вкусе и чувствительности; губы — о гневе, ненависти и любви; подбородок — о степени чувственности; череп — об уме, поскольку у имбецила линия лба на две трети меньше, чем у гения: чем ниже лоб, тем слабее интеллект. По Лафатеру — хотя он едва ли знал о Кампере, — художники могли бы точнее изображать человеческие расы и породы животных на основании крайне простой шкалы: у древнегреческих скульптур лицевой угол составляет около 100 градусов, у древнеримских — около 95. У европейцев лица колеблются между 90 и 80 градусами, у африканцев — в районе 70. Далее он плавно переходит к животным, помещая сразу же за африканцем орангутанга, затем — мартышку и т.д.

Яростный и сатирический ответ этой теории дает немецкий физик Георг Кристоф Лихтенберг, который в своем трактате “Физиогномика против физиогномиста” (“Über Physiognomik wider die Physiognomen”, 1778) критикует физиогномику, поскольку она основана на суеверии: “Чтобы построить совершенное общество, достаточно повесить всех детей с определенными физиогномическими чертами, прежде чем они станут преступниками! Говорят, что однажды по дороге из Цюриха в Шаффхаузен Лафатеру как известному физиогномисту предложили определить характер человека, сидевшего на углу. Тот внимательно рассмотрел его и сказал, что это человек добрый, снисходительный и мягкий. Оказалось, что это был шаффхаузенский палач, который на телеге возил осужденных на виселицу!” [17].

Но со временем физиогномика становится частью медицины, все тщательнее прорабатывая связь между черепом и мозгом, благодаря австрийскому врачу Францу Йозефу Галлю (1758–1828) [18, р. 67], который продолжает изыскания Лафатера, хотя и критикует его за то, что тот в недостаточной мере руководствовался “знанием анатомии и физиологии” [19, р. 83]. Он предлагает создать новую дисциплину — *органологию*, которая впоследствии стараниями его ученика Иоганна Каспара Шпурцгейма приобретет популярность под именем *френологии*.

В трактате “Анатомия и физиология нервной системы в целом и мозга в частности, с наблюдениями и возможности распознавания некоторых интеллектуальных и моральных предрасположенностей человека и животных

по конфигурации их голов” (“Anatomie et physiologie du système nerveux en général, et du cerveau en particulier, avec des observations sur la possibilité de reconnaître plusieurs dispositions intellectuelles et morales de l’homme et des animaux par la configuration de leurs têtes”, 1810), опубликованном совместно со Шпурцгеймом [18], Галль предлагает определять по строению мозга и форме черепа психические функции в их связи с телом. Он разделяет череп на 27 зон, соответствующих зонам мозга, определяющим личность человека. Это инстинкт продолжения рода; любовь к потомству; привязанность, дружба; инстинкт защиты себя и своей собственности; животный инстинкт, склонность к убийству; хитрость, проницательность, изворотливость; чувство собственничества, склонность к воровству; гордость, высокомерие, спесь, тяга к власти; тщеславие, амбициозность, жажда славы; осторожность, предусмотрительность; память о вещах и фактах; чувство пространства; память о людях; понимание смысла слов, имен, вербальная память; понимание устной речи, филологический талант; чувство цвета, художественный талант; чувство соотношения тонов, талант к музыке; понимание числовых соотношений; понимание механики, строительства, архитектуры; способность к сравнению; склонность к метафизике, глубина мысли; язвительность, остроумие; поэтический талант; доброта, доброжелательность, мягкость, сочувствие, восприимчивость, нравственное чувство, совесть, чувство справедливости; способность к подражанию, мимика; Бог и религия; твердость, постоянство, упорство, стойкость [20, р. 93].

Из них десять являются общими для всех позвоночных, девять — для высших позвоночных, и только восемь свойственны исключительно людям. Череп состоит из “впадин” и бугров, возникающих в результате большего развития нижележащих зон мозга. Таким образом, человек по-прежнему остается на вершине иерархии живых существ. В этом смысле Галль является первым врачом, изучавшим зоны коры головного мозга и связанные с ними функции, а френология обретает “высокое призвание стать среди всех наук своего рода спайкой между анатомией, физиологией и неврологией” [21, р. 355].

Хотя авторитет френологии пошатнулся, в основном из-за того, что в XIX в. работодатели стали пользоваться ею при найме сотрудников

(а также из-за других случаев ее недолжного применения), Лафатер и Галль считаются отцами современной нейропсихологии и когнитивных нейронаук. На основании исследований Галля Поль Брока (1824–1880) сформулировал теорию, согласно которой функция речи локализована в особых зонах коры мозга, а Джон Хьюлингс Джексон (1835–1911) подтвердил эту теорию, проверив ее на пациентах с эпилепсией. Карта головного мозга Корбиниана Бродмана (1868–1918), основанная на клеточной структуре мозга, кора которого подразделялась на 52 области, свидетельствовала, что выполнение определенных функций сопровождается активизацией определенных зон. Данные теории послужили стимулом и для исследований в области когнитивных наук (Джерри Алана Фодора, Ноама Хомского, Марвина Минского, Джона Сёрля и др.) и нейронаук.

Возвращаясь к развитию физиогномики, следует рассмотреть и исследования Чарльза Дарвина: темная кожа, сильно изогнутые черты, большие глаза, приплюснутый нос, выступающие губы, жесткие волосы — это признаки, которые ученые в XIX в. считали пограничными между животным и человеком, и, по сравнению с традицией Аристотеля, Делла Порты и Лафатера, которые сравнивали человека и животное на основании внешнего сходства, здесь визуальная аналогия заменялась анализом поведения. Чарльз Дарвин и «многие другие ученые представляют и изображают животное не рядом с человеком, а внутри человека в эволюционном смысле. При этом человек в своем индивидуальном развитии “повторяет” развитие вида, от зачатия до зрелости» [19, р. 115].

В Германии Эрнст Геккель (1834–1919) популяризировал и распространял учение Дарвина. Его интерпретация помогла разработать “научную” теорию различия рас. В “Борьбе за эволюцию” он утверждает, что онтогенез, то есть биологическое развитие живого организма от эмбриона до взрослой стадии, повторяет филогенез, то есть развитие вида, что объясняет случаи атаксизма, например, зооморфных лиц и примитивного поведения. Негры “с лохматыми волосами” не способны достичь подлинной внутренней культуры и высокого умственного развития [22]. Подобные утверждения, на первый взгляд безобидные, впоследствии были использованы

национал-социализмом как научное обоснование теории превосходства арийской расы.

Рассматривая развитие физиогномики, нельзя обойти вниманием такую выдающуюся личность, как Чезаре Ломброзо (1835–1909): его теории неразрывно связаны с физиогномическими изысканиями. Он сводит различия между людьми к дихотомии норма/отклонение, в первую очередь опираясь на дарвиновскую теорию эволюции и на “научные” наблюдения, то есть объективно наблюдаемые параметры. Сразу же после объединения Италии, проводя медицинские осмотры в армии, Ломброзо задумывается, зависят ли различные патологии от “расы” или от среды, и убеждается, что стоило бы составить “карту” болезней, распространенных на полуострове: “Поскольку недавно совершилось наше желанное объединение, нам очень не хватает полного исследования медицинской географии всей Италии, подлинной медицинской карты полуострова, который наконец целиком стал нашим. Я полагаю, задача военных медиков — дать начало и основания этому делу” [23, р. 3–4].

Но решительный поворот совершился в 1870 г., когда во время вскрытия трупа Джузеппе Виллелла, калабрийца, неоднократно судимого и обвинявшегося в разбое, Ломброзо обнаружил в задней части черепа так называемую среднюю затылочную ямку. По его мнению, данная аномалия типична для поведенческих отклонений “преступного типа” и встречается у ряда примитивных животных Мадагаскара и у человеческого зародыша, но не у взрослых людей. Таким образом, была создана теория биологической предрасположенности к преступлениям, которая дала начало криминальной антропологии.

В своем знаменитом труде “Преступный человек” (1876), опираясь на эволюционистскую теорию Дарвина, Ломброзо утверждает, что наружность человека позволяет распознать в нем склонность к преступлениям, поскольку тело влияет на дух, тем самым выделяя в особую группу часть общества — физически ущербных людей.

У “прирожденного преступника” обычно маленькая голова, покаты лоб, резко очерченные скулы, подвижные, бегающие глаза, густые близко расположенные брови, искривленный нос, бледное или желтоватое лицо, редкая борода. Человек, место которого — в сумасшедшем доме или в тюрьме, во многих отношениях похож на дикаря своей слабой

чувствительностью к боли, непостоянством чувств, любовью к безделью и разврату, неприязнью к труду, религиозным фетишизмом. Чернокожий подобен обезьяне, точнее, нашим вероятным предкам, среди которых горилла, гиббон, бабуин, орангутанг. Допуская общее происхождение всех людей от обезьян и равную возможность прогресса, Ломброзо неоднократно подчеркивает очевидный разрыв между нормальным белым человеком и уродливыми лицами дикарей.

В “Белом человеке и цветном человеке” [24] он подчеркивает различия между европейцем и примитивным человеком — в основном телесные, то есть атавизмы, и способствует возникновению направления мысли, которое позже получит название “расизм”. Но он также выделяет и сходства между европейцем и неевропейцем — в частности способность любой популяции меняться под воздействием окружающей среды и культурных факторов, поскольку в некоторых популяциях, например, у америндов и евреев, естественный отбор изменил расу или вид к лучшему. Теория Ломброзо оказывается столь убедительной, что впоследствии будет использована расистскими мыслителями.

Хотя в XX в. физиогномика утратила свою роль систематической науки, в настоящее время она нашла себе место в большой семье семиотических дисциплин. Ее можно воспринимать как обширное междисциплинарное поле, включающее в себя все формы выражения тела, проявляющего какое-либо чувство или эмоцию. В эту область попадают даже некоторые лингвистические и психологические науки (паралингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, социолингвистика и, в целом, психологические и когнитивные науки).

Не стоит забывать и о большой роли, которую сыграли труды русского физиолога И.П. Павлова (1849–1936) с его теорией условных рефлексов, где физиологический и поведенческий аспекты изучаются синкретически в контексте социальных отношений. Данные исследования в первой половине XX в. создали базу для бихевиоризма, основанного Джоном Уотсоном, который утверждал, что психику можно изучать только через анализ поведения. Бертран Рассел тоже отмечал значимость открытий Павлова, заинтересовали эти исследования и Михаила Булгакова, вдохновив его на создание повести “Собачье сердце”. Труды и научные результаты Павлова

повлияли и на Олдоса Хаксли с его “Дивным новым миром”, и на Томаса Пинчона в “Радуге тяготения”.

В настоящее время подобные исследования сосредоточиваются — как и в трактате Делла Порта — главным образом на особенностях лица (квадратная, овальная, удлиненная форма и т.д.) и его частей (глаза, нос, рот и т.д.) как в статическом аспекте, так и в динамических выражениях, то есть в движении лицевых мышц, которые связаны с “паралингвистическими” аспектами коммуникации, такими как интонация и модуляции голоса, имеющими, строго говоря, не лингвистическую природу, но придающими слову или фразе определенные оттенки или смыслы. Даже молчание в паралингвистической системе является формой коммуникации, и его характеристики в разных случаях бывают крайне разнообразными.

К данной сфере относится и изучение микровыражений (*Facial Action Coding System*), то есть выражений лица, которые возникают на долю секунды, как правило, в непредвиденных ситуациях, и являются абсолютно “искренними”, поскольку носят непроизвольный характер и не могут быть симулированы. Они относятся к кинестетической сфере семиотической физиогномики. В том же ключе следует рассматривать и другие непроизвольные феномены, например, покраснение или побледнение. На самом деле этот феномен в каком-то смысле наблюдал еще Лихтенберг, хотя и в другой форме и с другими целями, называя его “патогномикой”, к которой относил только “временные знаки чувств и эмоций”, или же те “мельчайшие черты, которые становятся заметными только при тесном личном знакомстве” [19, р. 61–63].

Таким образом, кинестетическая система включает в себя все коммуникативные акты, выраженные движениями тела — например, движения глаз (зрительный контакт между двумя людьми может нести множество разных смыслов, от интереса до вызова). Особое влияние на эту сферу оказывают социальный аспект и ситуация: например, в неловкой ситуации человек охотнее, чем обычно, опускает глаза. Еще один компонент кинестетической системы — лицевая мимика. Некоторые выражения (гнев, нетерпение, благодарность, радость и др.) хорошо распознаются в большинстве случаев, но не во всех: в зависимости от культурного уровня меняется и их

интерпретация. Кинестетическая система также включает в себя анализ жестов, особенно движений рук. Жесты рук как суперсегментный элемент лингвистического акта могут играть важную роль — подчеркивать смысл и значение фразы, а также указывать на возможность интерпретации, не соответствующей значению вербального сообщения.

Положение тела (стоя, сидя, лежа и т.д.) тоже крайне значимо: оно может определять конкретную позу, которая является правильной в той или иной ситуации (например, солдаты, стоящие по стойке смирно перед командующим), или же не столь строго заданную, но в целом соответствующую требованиям (например, правильная и достойная поза в ситуации официальной церемонии, собеседования при приеме на работу, ухода за т.д.) [25]; [26].

Финские исследователи из университета Аалто в 2013 г. попытались разработать первую телесную топографию эмоций на основании предположения, что каждая эмоция по-своему проявляется в нашем теле, посылая сигналы в определенную его часть. Например, от зависти “горит” лицо, злость находит соматическое выражение в груди и лице и т.д. Представляется, что во всем мире реакции человеческого тела одни и те же. Создание карты эмоций могло бы открыть новые пути в понимании расстройств настроения, таких как депрессия и тревожность (см. “Карта эмоций и реакций тела” в [27]).

Большой интерес представляют исследования, проведенные в США Оостерхофом и Тодоровым на кафедре психологии Принстонского университета [28]. Авторы разработали модель оценки выражений лица по двум ортогональным осям со значениями “доминирование” и “доверие”, обратно пропорциональными друг другу; базовая модель нейтрального типа располагается по центру осей. Данный метод, по мысли авторов, позволяет получить непосредственную оценку личности.

Сейчас физиогномика еще не обладает достаточной научной строгостью, однако вызывает большой интерес у исследователей, поскольку, как мы видели, имеет междисциплинарный характер. Она используется при найме сотрудников в компаниях, при назначении на руководящие должности, при подборе персонала на телевидении, а также при формировании имиджа будущего

кандидата в президенты США уже за три года до выборов.

Таким образом, физиогномические коды могут оказаться полезными в повседневной жизни (в новых дружеских или профессиональных контактах), когда эксперт-физиогномист непосредственно оценивает совокупность факторов и определяет, какого типа отношений можно или нужно придерживаться с тем или иным собеседником, что позволяет добиться лучшего знания себя и других, — впрочем, об этом говорил еще Делла Порта в своем трактате.

Перевод с итальянского А.В. Голубцовой,
М.А. Ариас-Вухиль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Della Porta, G.B. *De humana physiognomonia Libri sex. A cura di A. Paoletta*. Napoli, Edizioni Scientifiche Italiane, 2011. 672 pp. (In Ital.)
2. Della Porta, G.B. *Coelestis Physiognomoniae Libri sex e in appendice “Della celeste fisonomia” Ed. critica a cura di A. Paoletta*. Napoli, Edizioni Scientifiche Italiane, 1996. 353 pp. (In Ital.)
3. Gherstetti, A. *Fisiognomica e stereotipi femminili nella cultura araba*. Quaderni di Studi Arabi, Vol. 14, 1996, pp. 195–206. (In Ital.)
4. Della Porta, G.B. *Della fisonomia dell’uomo Libri sei / ed. critica a cura di A. Paoletta*. Napoli, Edizioni scientifiche italiane, 2013. 640 pp. (In Ital.)
5. Claudii Ptolemaei. *Apotelesmatica*. Ed. F. Boll & E. Boer. Leipzig: Teubner, 1940 (repr. 1957). 213 pp.
6. Link, L. *Il diavolo nell’arte: una maschera senza volto*. Milano, Mondadori, 2001, pp. 37–92. (In Ital.)
7. Leonardo Da Vinci. *Trattato della pittura condotto sul Codice Vaticano Urbinate 1270. Parte terza. Ristampa anastatica del volume edito nel 1890 dall’Unione cooperativa Editrice di Roma*. Roma, Grandi Tascabili Economici Newton, 1996. 324 pp. (In Ital.)
8. Ghirardelli, C. *Cefalogia fisonomica divisa in dieci Deche, dove conforme a documenti d’Aristotile e d’altri filosofi naturali, con brevi discorsi e diligenti osservazioni si esaminano le Fisionomie di cento teste humane che intagliate si vedono in quest’Opera, Dalle quali per più segni e congetture si dimostrano varie inclinazioni di Huomini e donne, Di Cornelio Ghirardelli Bolognese, il Sollevato Academico Vespertino. Aggiuntivi altre tanti sonetti di diversi eccellenti Poeti e Academici, ne’ quali le prefate fisionomie leggiadramente raccolgonsi*. Bologna, presso gli Heredi di Evangelista Dozza & Compagni, 1630. 662 pp. (In Ital.)

9. Della Porta, G.B. *Metoposcopia. A cura di G. Aquilecchia*. Napoli, Istituto Suor Orsola Benincasa, 1990. 150 p. (In Ital.)
10. Cardano, G. *Metoposcopia: manuale per la lettura della fronte: interpretazione dei caratteri in base alle linee frontali e ai nei illustrato con ottocento immagini, con le corrispondenze astrologico-planetarye. A cura di A. Arecchi*. Milano, Mimesis, 2003. 206 pp. (In Ital.)
11. Aquilecchia, G. *La sconosciuta "Metoposcopia" di G.B. Della Porta, di una differenziata del Cardano e di quella del Magini attribuita allo Spontoni*. Nuove schede di italianistica. Roma, Salerno, 1994, pp. 240–259. (In Ital.)
12. Aquilecchia, G. *"In facie prudentis relucet sapientia"*. Appunti sulla letteratura metoposcopica tra Cinque e Seicento. In: *Giovan Battista Della Porta nell' Europa del suo tempo*. Napoli, Guida Edit ori, 1990. (In Ital.)
13. Le Brun, C. *Le figure delle passioni: conferenze sull' espressione e la fisionomia. Ed. it. a cura di M. Giuffrè*. Milano, R. Cortina, 1992. 134 pp. (In Ital.)
14. La Bruyère, J. de. *Les caractères de Theophraste traduits du grec, avec les caractères ou les mœurs de ce siècle*. A Paris, chez Estienne Michallet, premier imprimeur du Roy, rue saint Jacques, à l' image saint Paul, 1696. 587 p. (In French.)
15. Camper, P. *Dissertation sur les variétés naturelles qui caractérisent la physionomie des hommes des divers climats et de differens âges. Suivie de reflexions sur la beauté; particulièrement sur celle de la tête; avec une manière nouvelle de dessiner toute sorte de têtes avec la plus grande exactitude*. Ouvrage posthume de m. Pierre Camper (publié par A.G. Camper) Traduit du Hollandois par H.J. Jansen. On y a joint une dissertation du même auteur sur la meilleure forme des souliers. Paris, chez H.J. Jansen imprimeur-libraire cloître Saint Honoré; à La Haye, chez J. Van Cleef libraire sur le Spuy, 1791. 168 pp. (In French.)
16. Onyemechi, P.A. *The Popes, the Catholic Church and the Transatlantic Enslavement of Black Africans 1418–1839*. Hildesheim, Georg Olms Verlag, 2017. 585 pp.
17. Lichtenberg, G.C. *Über Physiognomik wider die Physiognomen, tr. it. Sulla fisiognomica. A cura di Giulia Cantarutti*. Napoli: La scuola di Pitagora, 2017. 87 p. (In Ital.)
18. Gall, F.J., Spurzheim, J.G. *Anatomie et physiologie du système nerveux en général, et du cerveau en particulier, avec des observations sur la possibilité de reconnaître plusieurs dispositions intellectuelles et morales de l' homme et des animaux par la configuration de leurs têtes*. Paris, F. Schoell, 1810–1819 (Paris, de l' imprimerie de D' Hautel, 1810–1819). 352 pp.
19. Rodler, L. *Il corpo specchio dell' anima. Teoria e storia della fisiognomica*. Mondadori: Milano, 2000. 208 p. (In Ital.)
20. Verardi, D. *L' organo dell' anima. Fisiognomica e fisiologia cerebrale in Franz Joseph Gall*. Psychofenia, Anno XIII, No. 22. 2010, pp. 87–108. (In Ital.)
21. Magli, P. *Il volto e l' anima. Fisiognomica e passioni*. Milano, Bompiani, 1995. 540 pp. (In Ital.)
22. Haeckel, E. *La lotta per l' evoluzione. Prima traduzione italiana autorizzata dall' autore di M. Domenichini*. Torino, UTET, 1908. 81 pp. (In Ital.)
23. Lombroso, C. *Cenni per una carta igienica d' Italia*. Milano, Chiusi, 1863. (In Ital.)
24. Lombroso, C. *L' uomo bianco e l' uomo di colore: letture sull' origine e la varietà delle razze umane*. Padova, Tip. F. Sacchetto, 1871. 126 pp. (In Ital.)
25. Hall, E.T. *La dimensione nascosta: il significato delle distanze tra i soggetti umani; pref. di U. Eco*. Milano: Bompiani, 1980. 258 pp. (In Ital.)
26. Landowski, É. *Rischiare nelle interazioni*. Milano: Franco Angeli, 2010. 132 p. (In Ital.)
27. Nummenmaa, L.; Glerean, E.; Hari, R.; Hietanen, J.K. *Bodily maps of emotions*. Proceedings of the National Academy of the USA, 2014, Vol. 111, No. 2, January 14, pp. 646–651.
28. Oosterhof, N.N., Todorov, A. *The functional basis of face evaluation*. Proceedings of the National Academy of the USA, 2008, Vol. 105, No. 32, August, pp. 11087–11092.